

Светлана Дроздова

Стальной орел. Восточный поход

Светлана Дроздова

Стальной орел. Восточный поход

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Стальной орел. Восточный поход / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

В альтернативно-историческом Древнем Риме император Марк Аврелий Александр сокрушает Парфию благодаря индустриальной мощи: легионы маршируют под гул паровых турбин, а поле боя разрывают залпы шагающих машин-«черепах». Однако за триумфом скрывается страшная цена прогресса — ради котлов сжигаются провинции, экология рушится, а солдаты гибнут от взрывов и обморожения. Император — безжалостный прагматик, для которого жизнь является лишь переменной в уравнении эффективности. Повествование охватывает форсирование рек бронированными левиафанами, встречу с доисторической мегафауной и переход через соляные пустыни Деште-Кевир. Кульминацией становится уничтожение собственной столицы Экбатаны ради спасения каравана и отчаянное бегство от технологически превосходящей погони «Цезаря» — первого в мире бронепоезда. Когда основная война выиграна, интрига переходит в новое русло: истинным источником власти служат мифические кристаллы Гекаты из затерянного города Бактрии.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Стальной орел. Восточный поход

Глава 16. Сражение

****Часть I. Пыль и гул (Завязка)****

Ночь над Евфратом пахла раскаленным металлом, сухим навозом армейских мулов и сладковатой гарью низкокачественного лигнита. Александр стоял на деревянной платформе, возведенной на крыше его преторской палатки — единственном месте в радиусе трех миль, откуда открывался вид на всю излучину реки, не перекрытый клубами угольного дыма. Ветер трепал полы его палудаментума из тяжелой багряной шерсти, но император не замечал холода. Он был одет лишь в простую кожаную субукулу без рукавов, обнажавшую жилистую грудь, покрытую старыми шрамами от парфянских стрел и свежими ожогами от искр кузнечных молотов.

Его лицо, обычно скрытое за маской государственной невозмутимости, сейчас было открыто ночному ветру. Седина в коротко стриженных волосах казалась белой пылью, а единственный зрячий глаз — тот, что остался у него после резни при Аквах Секстиевых — горел темным, нездоровым огнем одержимости. Второй глаз скрывала черная кожаная повязка, под которой пульсировала старая боль, всегда усиливавшаяся перед большими сражениями.

Внизу, у самого среза воды, дышали «черепахи».

Они не были похожи ни на одно живое существо или осадное оружие, известное античному миру. Восемь колоссальных машин высотой с четырехэтажную инсулу стояли по колено в прибрежном иле. Их корпуса представляли собой сваренные под прямым углом плиты кованой стали, покрытые многослойной броней из меди и свинца, чтобы противостоять греческому огню. Но главной их жуткой деталью были ноги. Не колеса, как у примитивных повозок варваров, и не гусеницы, которые Октавия видела в чертежах инженеров Родоса, а массивные гидравлические опоры, оканчивающиеся широкими стальными лапами-ковшами.

Сейчас машины отдыхали. Их поршни медленно втягивали воздух со свистящим шипением, похожим на дыхание спящего дракона. Из выхлопных труб на покатых спинах вырывались густые струи белого пара, мгновенно смешиваясь с речным туманом. Каждая такая машина стоила годовой урожай всей провинции Киренаика. Каждая требовала сотен модиев пирита и бурого угля просто для того, чтобы поддерживать давление в котлах во время стоянки.

— Они пьют реку, — тихо произнес женский голос справа от императора.

Октавия подошла бесшумно, как умела только она. Она отказалась от официальных инсигний императорского секретаря и носила простую тунику из темно-серой шерсти, перехваченную в поясе солдатским ремнем. На ее плечи была накинута тяжелая меховая пенула, но даже она не спасала от предрассветного озноба. Ее волосы, обычно уложенные в сложную прическу римской матроны, были стянуты в тугий практичный узел на затылке. Лицо осунулось, под глазами залегли тени цвета старой бронзы — следствие восьми бессонных ночей, проведенных над грузовыми манифестами флота снабжения.

— Не только реку, — хрипло ответил Александр, не поворачивая головы. Его взгляд был прикован к стальной армаде. — Они пьют саму Империю. Мы высасываем Галлию досуха, чтобы залить этот берег кровью Парфии.

Он говорил о кислоте. О тех самых диоксидах серы, которые Октавия вытащила из-под земли Массилии и принесла ему на алтарь политической целесообразности. Эдикт о монополии работал: выбросы новых домен теперь уходили через гигантские вытяжные шахты в океан. Континент временно вздохнул, но цена этого дыхания измерялась здесь, в тоннах сожженного камня.

— Рим всегда пил свои провинции, Цезарь, — возразила Октавия, становясь рядом. Между ними оставалось расстояние в полшага, достаточное для соблюдения протокола, но они оба знали, что это пространство давно исчезло. — Просто раньше мы пили вино и кровь рабов. Теперь перешли на кислоту и сталь. Прогресс требует калорий.

Александр издал короткий звук, средний между смешком и кашлем. Он наконец повернулся к ней. В тусклом свете масляных ламп, установленных по краям платформы, черты его лица казались вырубленными из старого дерева.

— Ты говоришь об этом так спокойно, женщина. Иногда я забываю, что ты выросла среди книг, а не на Форуме. Для тебя падение рН почвы — это изящная математическая задача.

— Это самая грязная математика в истории человечества, — парировала она, кутаясь в пенулу. — И я ненавижу ее ровно так же, как ты ненавидишь необходимость отдавать приказы. Но если бы я не подсчитала тебе стоимость этих фабрик, Луций Вителлий Магн построил бы еще пять штук в верховьях Тибра. Твои виноградники в Лациуме уже пожелтели бы, Марк Аврелий. Дети патрициев рождались бы без ногтей. Я просто перенаправила яд. Мы травим дно океана вместо сердца Рима. Такова плата за твои шагоходы.

Слово «яд» повисло в воздухе. Оно связывало их крепче любых брачных клятв. Зимой, в промерзшем лонгхаусе Скандинавии, они делили одну волчью шкуру на двоих, прячась от пурги и заговорщиков. Там он видел в ней женщину. Здесь, на берегу отравленного войной Евфрата, он видел идеальный инструмент власти. Октавия Корвина стала его совестью, которую он научился использовать как калькулятор.

Тишину разорвал низкий, утробный рев рога букцин. Звук был настолько плотным, что вибрация прошла сквозь деревянные доски платформы прямо в босые ступни Александра.

Император напрягся. Его единственная рука, левая — правая все еще плохо слушалась после ранения дротиком, — легла на рукоять гладиуса, хотя меч был абсолютно бесполезен против стен Ктесифона.

— Началось, — выдохнул он.

****Часть II. Железный прилив (Развитие действия: Флот)****

Из-за поворота реки, там, где Евфрат изгибался крутой петлей, показались первые корабли. Но это был не классический имперский флот Красса или Агриппы. Античная эстетика плавных линий погибла вместе с эпохой деревянных трирем. То, что выползло из утреннего тумана, напоминало плывущие склепы.

Низкие, широкие корпуса мониторов сидели в воде так глубоко, что волны едва не перехлестывали через фальшборт. Они были лишены весел — сотни гребцов были бы легкой мишенью для лучников на том берегу. Движение этим чудовищам давали сдвоенные гребные винты из литой бронзы, приводимые в действие компактными турбинами высокого давления. Трубы кораблей извергали столбы черного дыма такого густого оттенка, что казалось, будто река горит.

На палубах царил строгий индустриальный порядок. Легионеры морской пехоты стояли вдоль бортов неподвижно, сжимая укороченные копья-пилумы с листовидными наконечниками из закаленной марганцевой стали. За их спинами расчеты вращали рукоятки торсионных баллист нового типа. Вместо традиционных жил животных там использовались витые пучки высокопрочного металлического троса, способного метать пятипудовые гранитные ядра на четыреста шагов с точностью хирургического скальпеля.

— Семьдесят два вымпела, — сухо констатировала Октавия, доставая из поясной сумки восковую табличку. Несмотря на масштаб зрелища, ее мозг продолжал работать как арифмометр. — Сорок восемь артиллерийских барж, двенадцать транспортов с провиантом, десять саперных платформ. Расход угля на форсирование течения составит около сорока тысяч модиев. Если ветер сменится на встречный до полудня, половина котлов потеряет давление.

— Ветер нам даст Казимир, — отрезал Александр. — Мои инженеры зажгут нефтяные скважины на холмах сразу после рассвета. Тепловой столб поднимет бриз строго с запада. Природа тоже должна служить фиску.

Флот начал маневр. Без единого звука сигнальных труб — команды передавались вспышками зеркал и ударами железного бруса о бронзовый щит — корабли начали разворачиваться веером. Их тупые носы, обитые листовым железом для тарана мелководных отмелей, нацелились на западный берег.

Парфия ответила спустя минуту. Сначала раздался тонкий свист, быстро перешедший в нарастающий визг. Со стороны вражеских укреплений, скрытых за полосой тростника, взметнулись темные точки. Камнеметы. Огромные тензионные машины, способные швырять корзины с зажигательной смесью.

Первые снаряды упали с недолетом, подняв фонтаны мутной воды в ста локтях от головного монитора. Вода зашипела — смесь нефти и селитры продолжала гореть даже в реке.

Затем открыл огонь Рим.

Это не было похоже на битву. Это было похоже на конец света, описанный в апокрифах Иоанна Богослова, который Октавия читала тайком от мужа. Борт первого монитора вспыхнул серией коротких, злых вспышек. Механизмы отработали синхронно. Десять гранитных ядер размером с человеческую голову одновременно покинули ложа баллист. Воздух содрогнулся от удара такой силы, что Октавия физически ощутила, как барабанные перепонки вдавливаются внутрь черепа. У нее заложило уши, а мир на секунду потерял цвет, превратившись в размытое серое пятно.

Ядра ударили в глинистый обрыв западного берега. Раздался звук, с каким великан перемалывает зубами камни. Глыбы земли объемом с целый дом рухнули в воду, погребая под

собой замаскированные позиции парфянских пращников. Облако желтой пыли и дыма поднялось выше самой высокой башни крепости Ктесифон, видневшейся вдаль.

Второй залп. Третий.

Артиллерийская дуэль длилась всего четверть часа, но этой четверти хватило, чтобы превратить живописную излучину великой реки в лунный пейзаж. Западный берег перестал существовать как географический объект. Он превратился в дымящуюся, изрытую кратерами полосу смерти. Огонь камнемётов захлебнулся, погребенный под собственными обломками.

Александр наблюдал за этим с хищной полуулыбкой. Его здоровый глаз следил за траекториями ядер, вычисляя углы падения быстрее, чем рабы-математики на кораблях успевали вносить поправки в таблицы стрельбы.

— Хорошо, — прошептал он. — Чисто. Ни одной лишней меры пороха. Экономия металла составляет почти восемнадцать процентов по сравнению с прошлогодними учениями в Египте. Запиши это, Домна.

Октавия стерла воск с таблички стилусом. Ее пальцы слегка дрожали — то ли от акустического удара орудий, то ли от абсурдности происходящего. Император обсуждает экономию ресурсов, пока две тысячи человек превращают противоположный берег в братскую могилу.

— Уже записано, Цезарь. Коэффициент эффективности огня превысил расчетные показатели Марка Туллия из инженерного корпуса. Он просил передать, что новые фитили не гаснут от речной сырости.

— Представь его к гражданскому венку, — бросил Александр, опускаясь на походный табурет. Он положил руки на колени и впервые за утро расслабил плечи. Первая фаза боя выиграна. Дорога расчищена. Теперь начиналась настоящая работа.

****Часть III. Дыхание дна (Развитие действия: Бронетранспортеры)****

Когда эхо последнего залпа затихло, поглощенное влажным воздухом, наступила звенящая тишина. Было слышно только, как потрескивает остывающая броня кораблей да кричат потревоженные вороны далеко в пустыне.

Александр поднялся. Его движения приобрели механическую точность.

— Время, — сказал он.

Октавия взглянула на водяные часы, установленные в углу платформы. Песок в верхней колбе иссякал слишком быстро из-за жары.

— Синхронизация нарушена на четыре минуты. Гидравлика течет от перегрева.

— Значит, они начнут всплывать вслепую, — равнодушно констатировал император. — Прикажи подать мне шлем.

Рабы внизу засуетились. Александру принесли тяжелый сегментный панцирь лорика сегментата, выкованный индивидуально под его фигуру лучшими оружейниками Капуи, и островерхий шлем-галеус с поперечным красным плюмажем центуриона-принцепса. Он одевался сам, отвергнув помощь слуг. Каждое движение — застегивание плечевых ремней, затягивание подбородочного шнура — сопровождалось тихим скрипом дорогой кожи. Когда он надел шлем, верхняя часть его лица исчезла. Остались только плотно сжатые губы и жесткая линия челюсти. Человек ушел. Осталась функция.

Тем временем «черепахи» пришли в движение.

По ним нельзя было понять команду — на машинах не было видно офицеров. Управление осуществлялось изнутри, через систему переговорных труб и световых сигналов в кабине механика-водителя. Первой начала двигаться машина с номером «Prima» на скошенном борту.

Она сделала шаг.

Звук, который издало железо, невозможно было описать словами античного поэта. Это не был лязг оружия. Это был скрежет тектонических плит. Стальной сустав длиной в три человеческих роста выдвинулся вперед, опираясь на землю широкой лапой. Вес распределился. Поршень в цилиндре ноги с шумом выпустил излишки пара. Машина перенесла центр тяжести. Вторая нога подтянулась следом.

«Черепаха» вошла в воду.

Евфрат принял многотонную машину неохотно. Река буквально встала стеной. Волна, вызванная погружением, обрушилась на восточный берег, смыв несколько палаток маркитантов. Вода сомкнулась над рубкой перископов с глухим чавканьем.

Для парфянского наблюдателя на той стороне это выглядело как массовое самоубийство демонов. Только что на берегу стояло восемь железных башен — и вот их нет. Лишь расходятся круги, да течение несет вниз по реке ошметки вырванного с корнями камыша.

— Они пропали, мой Цезарь, — тихо сказала Октавия, глядя на пустую гладь воды. — Если на дне есть камни...

— Инженерный корпус промерил фарватер трижды, — перебил ее Александр, но в его голосе впервые проскользнуло напряжение. — Водометные двигатели справятся с течением. Главное — выдержат швы котла. Давление внутри сейчас такое, что если лопнет хотя бы одна заклепка, всех, кто сидит внутри, сварит заживо быстрее, чем они успеют открыть люк.

Время начало растягиваться, как сырая кожа на распорках. Прошло десять минут. Двадцать. Полчаса.

Октавия стояла у края платформы, вцепившись пальцами в деревянный поручень так, что побелели костяшки. Она смотрела на желтую воду, пытаясь уловить хоть малейшее движение. Внутри одной из тех коробок сидел Тит Вергилий, начальник штаба кавалерии. Молодой Гай Эмилий Лициний, сын её старой подруги. Сотни ветеранов, прошедших с Александром от туманов Британии до льдов Скифии. Если вода прорвется внутрь, они сварятся в своих доспехах, как устрицы в собственном соку.

— Три минуты до расчетной точки выхода, — доложил офицер связи снизу, сверяясь с песочными часами и астролябией. — Сигнала нет.

— Ждать, — отрезал император. Он стоял спиной к реке, глядя на свой лагерь. Лагерь просыпался. Тысячи людей двигались в строгом порядке, выстраиваясь в колонны для переправы на паромах вслед за машинами. Никто не имел права знать, что судьба авангарда висит на волоске.

И вдруг вода метрах в пятидесяти от берега вскипела.

Сначала появился один пузырь. Огромный, размером с амфору, он лопнул, издав звук рвущегося полотна. Затем второй. Третий. Поверхность реки пошла крупной рябью, словно начался шторм в ясном небе.

Первым показался перископ головной машины. Черная труба толщиной с бедро взрослого мужчины медленно поползла вверх, разбрызгивая воду. За ней последовали остальные.

А затем началось самое страшное.

Из глубины, разрывая поверхность, начала подниматься сама «черепаха». Вода стекала с ее плоской спины водопадами. Металл был раскален докрасна в местах стыка бронеплит — система охлаждения не справлялась с давлением котлов на глубине. От корпуса валил густой белый пар, пахнувший жженым маслом и смертью.

Машина остановилась, когда уровень воды опустился ниже колена. Она замерла, тяжело поводя боками, как загнанный зверь. Люк на макушке откинулся с пронзительным визгом несмазанных петель.

Оттуда пахло таким жаром, что Октавия отступила на шаг, закрывая лицо рукавом. Из недр машины полезли люди.

Они не выпрыгивали бодро, как положено легионерам. Они выползали. Первый десантник упал на четвереньки прямо в воду и начал судорожно срывать с лица медную маску респиратора. Его туника под кирасой дымилась. Волосы на голове сгорели начисто, брови превратились в черные струпья. Он поднял голову, бессмысленно глядя на солнце, и исторг из себя поток желчи прямо в реку.

Следом выбрался командир экипажа. Центурион-инженер Постумий. Его лицо представляло собой сплошной красный ожог второй степени. Но глаза... глаза были абсолютно ясными и безумными от восторга.

— Господин! — прохрипел он, пытаясь отдать честь обожженной рукой. — Рубка герметична! Котлы держат! Мы прошли русловую яму, там глубина семьдесят локтей, нас чуть не сплющило давлением, но клапаны сработали! Машины готовы идти!

Александр подошел к самому краю платформы. Он посмотрел на обваренного, умирающего от болевого шока человека внизу. И приложил правую руку к груди в салюте.

— Ave, Postumius, — голос императора прозвучал глухо из-под шлема. — Ты принесешь Республике победу. Отправляйтесь в медицинский шатер.

Постумий попытался кивнуть, пошатнулся и рухнул лицом в ил. Рабы-медики бросились вниз по лестнице, расстилая на земле пропитанные уксусом холсты.

Остальные «черепахи» продолжали всплывать одна за другой. Процесс занял еще двадцать минут. Каждая машина оставляла на поверхности воды радужную пленку сгоревшего машинного масла и тела пострадавших от тепловых ударов. Выжили не все. Из двухсот сорока членов экипажей первой волны сорок нуждались в немедленной эвакуации, а шестеро сварились заживо, когда на глубине отказал предохранительный клапан одного из кормовых отсе-

ков. Октавия методично заносила имена погибших на свою восковую табличку. Сухая статистика войны.

****Часть IV. Выход левиафанов (Кульминация)****

Лагерь пришел в движение. Как только последняя машина подтвердила исправность гидравлики, мостостроительные когорты начали спускать на воду тяжелые понтоны. Но главный удар должен был нанести стальной кулак.

Александр спустился с платформы. Земля дрогнула под его ногами — это включила ход первая «черепаша». Машина развернулась на месте, выворачивая пласты влажной почвы своими стальными лапами. Глубина протектора на лапах составляла полтора локтя — следы от них останутся в почве Междуречья на столетия, став ориентирами для будущих археологов.

— Маршрут Дельта, — приказал император в медную трубку коммуникатора, протянутую ему адъютантом. Голос его изменился, приобретя металлические нотки, идеально подходящие к окружающей технике. — Интервал тридцать шагов. Идти уступом. Саперам держать фланг. Артиллерия — подавляющий огонь по квадратам девять и четырнадцать. Октавия, твой сектор — логистика правого крыла. Держи темп выгрузки тяжелого зерна. Если лошади падут от голода, эти игрушки станут бесполезны.

Он мельком взглянул на жену. Она уже сбросила пенулу. Под грубой шерстяной туникой скрывалась легкая кольчуга — подарок Александра на их первую годовщину, сделанная из мифрилового сплава, который добывали только в закрытых рудниках Норика. Кольчуга весила меньше фунта и не стесняла движений. Октавия перехватила его взгляд и позволила себе крошечную, едва заметную улыбку уголком губ.

— Логистика будет идеальной, Цезарь. Даже если мне придется заставить интендантов съесть свои учетные книги.

Император позволил себе ответную усмешку, которая тут же исчезла под жесткой линией шлема.

— Тогда проследи, чтобы они выбрали пергамент попостнее. Мне нужны здоровые желудки для марша.

Головная «черепаша» двинулась к реке. Она шла вброд, рассекая течение. Вода доходила ей почти до середины корпуса, но благодаря смещенному центру тяжести и мощным водометам, работающим в режиме компенсации, машина держала курс идеально. Следом, соблюдая интервал, двинулись остальные.

Зрелище было гипнотическим и ужасающим. Железные гиганты шли по дну величайшей реки Востока, как стадо бронированных кабанов. От их спин поднимались струи пузырей. Солнце играло на мокром металле, окрашивая его в цвет запекшейся крови.

Октавия осталась на берегу, организуя колонну обозов. Ее голос, усиленный медным рупором, перекрывал шум механизмов:

— Шестая когорта мукомолов — к третьему парому! Винные пайки выдавать только после пересечения русла! Кто увидит желтый флаг на фургоне медиков — освободить дорогу или отправиться чистить конюшни скифскими граблями!

Она работала безупречно. Хаос огромного лагеря подчинялся ритму ее голоса. Но каждые несколько секунд ее взгляд отрывался от суеты и скользил по воде, туда, где исчезали под поверхностью стальные башни. Она считала секунды. По ее расчетам, основанным на скорости течения и длине шага машин, им оставалось пройти под водой еще около восьмисот локтей.

Именно в эту секунду произошло непредвиденное.

Средняя «черепаша» в ордере — та, что везла основной запас боеприпасов для артиллерии и половину личного состава гвардейской алы ауксилариев — резко замедлила ход. Из ее водометных сопел вырвался фонтан черной грязи. Нос машины клюнул вниз.

— Мель? — выдохнула Октавия, инстинктивно делая шаг к кромке воды. — Там же не должно быть мели!

Но это была не мель.

Корпус машины содрогнулся от мощного подводного удара. Что-то огромное, находившееся на дне, врезалось в днище бронетранспортера. Броня выдержала, но гидравлика левого борта жалобно застонала. Машина потеряла равновесие и начала заваливаться набок, прямо в глубокое русло.

Внутри началась паника, невидимая снаружи. Но акустические датчики на берегу уловили глухие удары — это экипаж пытался выровнять машину, перенося вес десанта на правый борт.

Александр услышал это всем телом. Он находился в тридцати шагах от Октавии, проверяя подпругу своего вороного жеребца, которого должны были перевезти на пароме вторым рейсом. Император отбросил уздечку и бегом преодолел разделявшее их расстояние. Его подкованные железом калиги сбивали головки репейника.

— Доклад! — рывкнул он в сторону офицера связи. — Что с машиной «Терция»?

— Попадание неизвестного объекта, доминус! — прокричал тот, прижимая наушник из бараньей кожи. — Предположительно, крупный топляк или разрушенная парфянская дамба! Они пытаются восстановить дифферент!

«Черепаша» боролась. Это была титаническая схватка мертвого железа с живой силой реки. Внутри машины люди, рискуя свариться от перегретого пара из поврежденных магистралей, вручную вращали аварийные штурвалы перераспределения веса.

Прошла минута. Самая долгая минута в жизни Октавии. Она стояла по щиколотку в песке, комкая в руке ненужный теперь рупор, и смотрела, как стальной гроб уходит под воду.

И машина победила.

Гидравлика левого борта со скрежетом выпрямилась. Насосы экстренной откачки взвыли на пределе мощности, выплевывая воду из нижних отсеков. «Черепаша» качнулась обратно, выравниваясь. Из пробитой трубы охлаждения бил гейзер кипятка, мгновенно превращаясь в облака пара на воздухе.

Машина дернулась вперед. Еще раз. И снова поймала ритм. Она сошла с опасного участка дна, оставляя за собой хвост из пузырей и мазута.

— Продолжать движение! — прогремел голос Александра, усиленный рупорами охраны. Никакой жалости. Никакого облегчения. Только холодный гнев командира, чей механизм дал сбой. — Техникам проверить целостность швов у всех единиц после выхода! Если эта тварь пропоролла брюхо, я лично скормлю начальника караула рыбам!

Октавия закрыла глаза. Ее сердце, привыкшее к холодному анализу цифр, пропустило удар. Она открыла их и встретила взглядом с мужем. Тот снял перчатку и быстрым, почти незаметным движением коснулся ее предплечья. Всего на долю секунды. Словно заземлял накопившееся статическое электричество.

— Математика работает, Домна, — тихо сказал он. — Даже когда ломается.

Через десять минут «черепахи» достигли цели.

Восточный берег встретил их крутым глинистым подъемом. Именно здесь обычные войска увязли бы в безнадежных лобовых атаках. Но стальным машинам уклон в сорок градусов не был помехой.

Первая «черепаха» уперлась лапами в склон. Суставы ее ног распрямились с мощностью пушечного выстрела. Земля брызнула во все стороны дождем черных комьев. Машина начала подъем.

Она лезла вверх, как насекомое, цепляясь за отвесную стену. Иногда лапы соскальзывали, и многотонная громада опасно проседала, заставляя зрителей на восточном берегу хвататься за сердце. Но балансировочные гироскопы внутри корпуса удерживали горизонт.

Взобравшись наверх, машина остановилась на самом гребне. Раздался металлический щелчок, похожий на взводимый курок исполинского пистолета. Центральная плита на «спине» «черепахи» пришла в движение. Сложная система рычагов и противовесов поднимала ее вертикально.

Аппарель упала на сухую, выжженную солнцем землю Парфии.

Удар дерева о камень прозвенел в утреннем воздухе, как гонг судьбы.

Из темноты десантного отсека, из клубов остаточного пара, в солнечный свет шагнули legionеры.

Они не бежали с криками. Они выходили строевым шагом. Медные маски дыхательных аппаратов делали их неотличимыми друг от друга, превращая людей в единый биомеханический организм. В руках они сжимали короткие автоматические арбалеты системы Герона Александрийского, модернизированные инженерами двора. Оружие, плюющееся бронебойными болтами со скоростью молнии.

За первой машиной вышла вторая. Третья. Четвертая.

Шесть железных левиафанов выстроились полукольцом на захваченном плацдарме. Позади них Евфрат продолжал нести свои мутные воды, ничего не подозревая о том, что история военного дела изменилась навсегда именно сегодня, на ее глазах.

****Часть V. Захват плацдарма (Развязка)****

Плацдарм представлял собой узкую полоску каменистой земли шириной в полмили, зажатую между рекой и началом настоящей пустыни. Впереди, примерно в тысяче шагов, начинались пригороды Великого Ктесифона — лабиринт глинобитных стен, крытых базаров и сторожевых вышек, сложенных из сырцового кирпича.

Парфянское командование осознало произошедшее с задержкой в пятнадцать минут. Сперва они приняли выходящие из воды машины за божественную кару или мираж, вызванный жарой. Лучники на внешних стенах выпустили пару тревожных стрел, которые бессильно отскочили от наклонной брони «черепах», высекая снопы синих искр.

Ответ последовал незамедлительно.

Бортовые люки машин открылись полностью. Из них выдвинулась штурмовая пехота.

Движения легионеров были пугающе синхронизированы. Сказывались месяцы тренировок внутри тесных металлических коробок, где каждый неверный шаг товарища означал переломанную ногу. Они рассыпались тройками: один щитовик-марсианин с тяжелым скутумом, способным выдержать удар булавы, и два стрелка.

Стрелки вскинули арбалеты. Щелчки тетив слились в непрерывный треск. Болты, смазанные горючим составом, прочертили воздух огненными линиями. Первые ряды парфянских ополченцев, высыпавших из ворот ближайшей усадьбы навстречу непонятым демонам, просто смело. Древние кожаные доспехи и плетеные щиты не держали современную металлургию.

Александр наблюдал за этим с вершины небольшого холма, куда его поднял конь. Битва за плацдарм развивалась по графику с погрешностью в три процента. Идеально.

— Направить вторую волну бронетехники по следам траков, — распорядился он. — Пусть утрамбуют почву. Октавия, статус логистики?

Октавия стояла рядом, сидя в седле своей маленькой выносливой кобылы персидской породы. Она больше не смотрела на бой — там всё было решено технологиями. Ее внимание было приковано к востоку, откуда бесконечной змеей тянулись обозы.

— Понтоны собраны. Первая очередь тяжеловозов переходит реку. Потери тяглового скота минимальны — шесть лошадей затоптаны испуганными верблюдами каравана сирийских купцов. Я конфисковала верблюдов. Теперь дефицит мяса закрыт на ближайшие три дня. Интендант Третьего легиона рыдает, говорит, что мясо верблюда оскорбляет честь Марса, но пусть учится готовить гумбо.

Император коротко рассмеялся. Смех прозвучал жутко из-под шлема.

— Скажи ему, что Марс любит победителей, а победителей кормит эффективность. Передай приказ по цепи: скорость продвижения армии не должна превышать скорость работы полевых кухонь. Сытый легионер идет быстрее голодного.

Тем временем бой переместился к стенам пригорода. «Черепahi» показали свое второе предназначение. Они не были просто транспортами.

Центральная машина группы остановилась напротив главных ворот — массивных створок из окованного железом кедра. Плита на ее спине вновь пришла в движение, но на этот раз она опускалась вперед, принимая почти горизонтальное положение. Из внутренностей машины выдвинулась телескопическая штанга.

Это был гидромолот. Чудовище весом в пять тонн, питаемое напрямую от главного котла машины через армированный шланг.

Первый удар потряс землю.

Дерево и железо ворот разлетелись в щепу, как сухая солома. Облако пыли и обломков поднялось выше крыш.

Не останавливаясь, молот нанес второй удар, проламывая кирпичную кладку стены позади ворот.

Третий удар довершил дело. В обороне Ктесифона образовалась брешь шириной в тридцать шагов, ведущая прямо на главную улицу торгового квартала.

Легионеры ринулись в пролом.

Началась уличная резня. Закованная в сталь волна римлян столкнулась с хаосом восточных защитников. Здесь технология давала меньшее преимущество. Узкие переулки мешали маневру тяжелых щитов, а крыши домов кишели пращниками, забрасывавшими легионеров камнями и горшками с негашеной известью.

Один из сосудов разбился в пяти шагах от Октавии. Белая едкая пыль взметнулась облаком. Кобыла заржала, вставая на дыбы. Октавия жестко осадил животное коленями, чувствуя, как жжение вливается в открытую кожу шеи. Слезы мгновенно выступили на глазах, горло перехватило спазмом. Она успела натянуть край плаща на лицо, прежде чем вдохнуть смертельную смесь.

Александр оказался рядом мгновенно. Его конь встал бок о бок с ее лошастью, используя собственное тело как щит от летящих сверху камней. Император сорвал с пояса небольшую флягу из серебра и протянул ей.

— Промой глаза. Это хлорид кальция, местная гадость. Не смертельно, если не глотать.

Октавия приняла флягу трясущейся рукой. Холодная вода обожгла воспаленную кожу. Она плеснула себе в лицо, жадно хватая ртом воздух.

— Спасибо, — прохрипела она, возвращая сосуд. Ее зрение постепенно восстанавливалось. — Нам нужно менять маршрут обхода. Переулок Сокровищ заблокирован баррикадой. Предлагаю направить третью «черепадy» через рынок пряностей. Жалко товар, но проход шире.

— Согласовано, — кивнул Александр. Его лицо было совершенно спокойным. Кровь, залившая брусчатку у ворот, запах горелого мяса и крики умирающих — всё это было для него лишь фоновым шумом, тактической задачей. — Дай сигнал синим флагом. И найди мне свежего коня. Этот ранен в круп.

Только сейчас Октавия заметила, что бок вороного жеребца действительно залит темной кровью. Животное нервно переступало ногами, но продолжало стоять смирно, повинуюсь железной воле хозяина.

— Коня пришло из резерва прессы. А твоего заберут хирурги. Может быть, спасут.

— Если не спасут, пустите на колбасу для десятой когорты, — пожал плечами император.
— Нечего переводить фураж.

Эта фраза, сказанная посреди ада, внезапно сломала что-то внутри Октавии. Вся циничная броня, весь ледяной расчет, которым она защищалась последние полгода, дали трещину. Она посмотрела на мужа — на этого человека, который только что отправил сотни людей на смерть, рассуждал о дефиците мяса и успокаивал ее после химического ожога с нежностью врача.

Ей захотелось ударить его. Или обнять. Или сделать и то, и другое одновременно. Абсурдность ситуации достигла критической массы.

— Ты невыносим, Марк, — тихо сказала она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал.

Он наконец повернулся к ней полностью. Бой кипел впереди, его гвардия прорубалась к дворцовой площади, но для него существовала только женщина на серой кобыле.

— Знаю, — просто ответил он. — Но империя управляется либо страхом, либо арифметикой. Страх дешевле, но математика долговечнее. Я выбрал математику. Поэтому мы побеждаем.

Он приподнял край своего шлема, обнажая нижнюю часть лица, и быстро, почти целомудренно коснулся сухими губами ее виска, заросшего солью и гарью. Жест абсолютной близости в мире, где близость была непозволительной роскошью.

— Возвращайся к таблицам, Домна, — шепнул он. — Война продлится до заката. Город падет к вечеру. Но если завтра утром у моих солдат не будет горячего хлеба, я проиграю эту кампанию, несмотря на все мои танки.

Октавия сглотнула ком в горле. Она ударила лошадь пятками в бока, направляя ее прочь от линии огня, обратно к реке, где дым был менее густым.

— Хлеб будет, Цезарь, — бросила она через плечо. — Даже если мне придется испечь его из собственных ботинок.

Александр долго смотрел ей вслед. Силуэт жены растворялся в сизом пороховом дыму. Затем он поправил съехавший набок гребень шлема, плотнее закрепил ремешок подбородка и направил коня в сторону пролома в стене.

Там, впереди, его ждал трон Аршакидов.

Позади оставалась Октавия — единственный человек в Ойкумене, знающий, что золото этого трона разъедает кислота, и умеющая считать капли яда в каждой победе Вечного Города.

Битва за Евфрат была выиграна. Война за душу Империи только начиналась.

Глава 17. Штурм

****Часть I. Желтый камень и черная желчь (Завязка)****

Солнце над Хатрой не знало пощады. Если на берегах Евфрата, в дельте великой реки, жара была влажной, тяжелой, пахнущей гниющими водорослями и речной тиной, то здесь, в самом сердце Парфянского плато, она была сухой и звонкой. Она выжигала влагу из легких за три вдоха, превращая слюну во рту в мелкий скрипучий песок. Небо было цвета выбеленного черепа — ровное, без единого облака, оно нависало так низко, что казалось, его можно проткнуть копьем.

Александр стоял на вершине искусственного холма, который саперы насыпали за одну ночь, срыв соседний бархан. Под его калигами хрустела не земля, а крошка желтоватого известняка. Отсюда, с высоты тридцати локтей, открывался вид на проклятый город.

Хатра не была похожа на Ктесифон. Столица парфян рассыпалась под ударами римской артиллерии, превратившись в дымящиеся руины саманной грязи. Хатра же стояла нетронутой уже третью неделю осады. Это был идеальный круг диаметром почти в две мили, опоясанный двумя рядами стен. Внешняя стена, сложенная из грубого сырцового кирпича, служила лишь первым рубежом. Настоящей твердыней была внутренняя цитадель — циклопическое сооружение из тесаного желтого камня. Ее башни вздымались на высоту семиэтажного дома, а между ними тянулись зубчатые парапеты, от которых сейчас, в полуденный зной, поднималось дрожащее море.

Город дышал жаром, как исполинская печь.

— Они смеются над нами, — произнес Александр, не отрывая медной подзорной трубы от единственного зрячего глаза.

Его лицо, обычно скрытое маской императорского спокойствия, сейчас напоминало маску статуи работы безумного скульптора. Левую сторону перечеркивал рваный шрам от парфянской стрелы, правую скрывала плотная кожаная повязка. Седина в коротко стриженных волосах казалась присыпанной пеплом сожженных городов. Он был одет только в кожаную субукулу, пропитанную потом до состояния жесткого картона. Тяжелый сегментный панцирь лежал на походном табурете рядом — император берег силы для того момента, когда броня действительно понадобится.

— Пусть смеются, доминус, — раздался голос справа. — Камню все равно, кто над ним хохочет, прежде чем он превратится в щебень.

Керк Македонский подошел бесшумно, несмотря на свой рост и привычку хромать на левую ногу — память о неудачном испытании осадного крана в Капуе. Главный военный инженер Империи выглядел так, словно провел последние полгода заживо погребенным в рудниках. Его туника из грубой шерсти покрылась коркой застывшего машинного масла, белых пятен на ней почти не осталось. Лицо Керка состояло из острых углов: впалые щеки, резко очерченные скулы, нос, похожий на клюв хищной птицы. Но страшнее всего были его руки. Пальцы инженера, длинные и узловатые, покрывали химические ожоги — розовые, глянцевые язвы там, где кожу разъело испарениями кислотных смесей Октавии. На правом предплечье багровел свежий волдырь от случайного попадания раскаленной искры из кузнечного горна.

— Три недели, Керк, — Александр опустил трубу и потер воспаленное веко единственной свободной рукой. Правая кисть императора все еще плохо слушалась после ранения дро-

тиком у Акв Секстиевых, и он старался лишний раз ее не напрягать. — Мы утопили половину флота снабжения в реке, чтобы переправить твои железные гробы. Мы залили этот берег кровью десяти тысяч легионеров. А эта груда камней стоит. Мои векселя пустеют быстрее, чем мех с водой в руках новобранца.

— Фундамент, — коротко ответил Керк. Он достал из поясной сумки свернутый в трубку пергамент, но разворачивать его не стал, зная чертежи наизусть. — Я говорил тебе об этом еще в Антиохии, Цезарь. Хатра стоит на скальном основании. Там нет мягкой глины Междуречья, в которую наши «черепахи» могли бы вонзить свои лапы. Основания их башен уходят в материковую породу на десять локтей. Гидравлические тараны вязнут. Удар гаснет в камне, как крик в шерстяном одеяле. Чтобы пробить такую стену снизу, нам нужно либо вырыть подкоп длиной в милю, на что уйдет четыре месяца и половина рабов умрет от жажды, либо обрушить гору позади города, чтобы похоронить его под лавиной.

Александр молчал долго. Внизу, у подножия их наблюдательного холма, кипела жизнь огромного лагеря. Ревели верблюды каравана сирийских купцов, которых реквизировала Октавия; стучали молотки полевых кузниц, перековывающих изношенные втулки колес обозов; кричали центурионы, сгоня сонных гастатов на построение. Армия жила своей механической жизнью, пожирая тонны зерна и угля просто ради поддержания собственного существования. И вся эта колоссальная машина уперлась в желтый круг на горизонте.

— Покажи мне свою новую игрушку, — наконец сказал император, возвращая подзорную трубу адъютанту.

Керк криво усмехнулся, обнажив зубы, потемневшие от паров серы.

— Игрушка обойдется Республике дороже, чем годовое жалованье всей преторианской гвардии. Но если твоя математика работает, Домна Корвина одобрит расходы.

Они начали спускаться с холма. Земля здесь была твердой, спекшейся от солнца. Каждый шаг отдавался в подошвах неприятным гулом. Лагерь вокруг жил ожиданием. Легионеры знали: сегодня или никогда. Третий штурм внешних стен провалился вчера утром с большими потерями — лестницы ломались под весом солдат, а те, кому удавалось зацепиться за край стены, погибали в потоках льющейся сверху кипящей смолы и негашеной извести.

Их путь лежал в Долину Механикумов — ложбину между двумя старыми кладбищами парфянских царей, которую инженеры выбрали своим штабом. Воздух здесь был густым и тяжелым. Запах горячей пыли смешивался с невыносимой химической вонью. Кислый дух окислов железа бил в ноздри сильнее, чем запах выгребных ям маркитантов. Из глубоких котлованов, накрытых навесами из влажного войлока, валил густой белый пар, пахнувший озоном и жженым металлом.

Когда они вошли в долину, Александру пришлось задрать голову.

Они стояли в тени двух колоссов. Это не были классические осадные башни греков или римлян — высокие деревянные многоугольники на катках, которые легко поджечь горячей стрелой. Башни Керка больше походили на вырванные из земли куски индустриального ада.

Высотой они равнялись средней башне Хатры — около пятидесяти локтей. Но вместо дерева их корпуса представляли собой сваренные листы кованой стали, покрытые снаружи

дополнительным слоем свинца и меди для защиты от греческого огня. Поверхность металла была неровной, покрытой заклепками размером с человеческую голову и толстыми ребрами жесткости. Каждая башня покоилась на массивном прямоугольном шасси, которое стояло не на колесах, а на четырех широких гидравлических опорах-лапах. Сейчас опоры были втянуты, и машины лежали брюхом на земле, похожие на мертвых железных скарабеев.

Но главным было не это. От основания каждой башни вниз, в глубокие шахты-шурфы, уходили толстенные бронзовые цилиндры поршней. Рядом с ними, соединенные системой переплетающихся медных трубок толщиной в бедро взрослого мужчины, пульсировали котлы высокого давления. Над ними курились тонкие струйки прозрачного, едва заметного пара.

— Ты сошел с ума, — тихо выдохнул Александр, обходя ближайшую машину. — Ты хочешь поднять целую крепостную стену?

— Не всю стену, — поправил Керк, любовно проводя обожженными пальцами по стыку стальной плиты. — Только один сектор. Главные ворота внутренней цитадели. Видишь кладку? — Он указал вверх, на основание арки ворот Хатры. — Они гордятся тем, что строят без раствора, насухо. Огромные блоки известняка, подогнанные друг к другу силой тяжести. Идеально для моего метода. Мы не будем бить в ворота. Таран разобьется о кедр и железо створок. Мы ударим ниже. Прямо в фундамент арки.

— Как ты собираешься туда попасть? Копать траншею под прицелом лучников?

— Никакой траншеи. Мы подойдем открыто. Днем. Когда солнце будет стоять в зените и плавить их мозги внутри шлемов. Моя башня низкая. Большая часть ее массы находится ниже линии полета стрелы. Пока они будут соображать, что мы делаем, сталь уже коснется их фундамента.

Александр остановился перед открытым люком в нижней части шасси. Из черного провала веяло жаром преисподней. Внутри, пригнувшись, двигались фигуры в асбестовых фартуках поверх голых торсов. Рабы-механики. Их лица блестели от пота и угольной пыли. Кто-то орудовал тяжелыми ключами, затягивая гайки на клапанах, кто-то швырял в огненную пасть топки корзины с антрацитом.

— Давление? — рявкнул Керк в переговорную трубу, выведенную наружу.

— Сто сорок атмосфер на главном контуре! Двести на вспомогательном! Котлы держат, доминус! — отозвался глухой, искаженный паром голос изнутри.

— Добавьте кислоты в смеситель! Ровно два модия! Ни каплей больше, если хотите дожить до вечера!

Керк обернулся к императору. Глаза инженера лихорадочно блестели. Это был взгляд фанатика, художника, смотрящего на почти законченную картину.

— Дерево сгорит, Цезарь. Земля размокнет. Но давление жидкости... Оно одинаково во все стороны. По закону Архимеда, по формуле Герона, по воле богов механики. Если я создам точку опоры достаточно прочную, а рычаг достаточно длинный, я переверну мир. Сегодня я использую саму Хатру как рычаг против нее самой.

Внезапно тишину долины разорвал резкий свист. За ним последовал звук, похожий на удар исполинского бича — *крак!*. Один из котлов на дальней башне издал жалобный метал-

лический стон. Из предохранительного клапана ударил столб белого пара такой плотности, что ближайшие рабы попадали на землю, закрывая лица руками.

Из люка выскочил старший мастер-сантехник. Его левая рука висела плетью, кожа на плече слезла лоскутом, обнажая красное мясо.

— Разрыв магистрали на втором уровне! Зажим не держит вибрацию! Бронза слишком мягкая для такого крутящего момента!

Керк даже не повернул головы. Он сделал шаг вперед, схватил мастера за грудки здоровой левой рукой и притянул к себе.

— Мягкая?! — прошипел инженер прямо в окровавленное лицо раба. От него самого пахло таким жаром, что несчастный отшатнулся бы, если бы не хватка Керка. — Ты бросаешь в котел грязный туф вместо чистого песчаника, идиот! Примеси забивают теплообменник! Очистить решетки! Вырезать поврежденный участок трубы! Поставить временную петлю из парусины и проволоки, пока литейщики варят новую сталь! Живо! Или я спущусь сам и заменю тебя твоими собственными кишками!

Он оттолкнул мастера. Тот рухнул в пыль, пытаясь задом пополз к своей бригаде. Керк проводил его взглядом, затем медленно выдохнул сквозь сжатые зубы. Его плечи опустились, ярость схлынула так же быстро, как и появилась, оставив после себя лишь смертельную усталость.

— Прости, Цезарь, — прохрипел Керк, растирая грудь. — Нервы натянуты как тетива баллисты. Одно слабое звено... Если давление упадет хоть на пять атмосфер, когда башня будет держать вес стены, гидравлика захлопнется. Восемьсот локтей камня рухнут вниз. Мы похороним под ними лучшую центурию Первого Италийского легиона.

Александр положил свою здоровую руку на плечо друга. Прикосновение вышло жестким, ободряющим.

— Делай свое дело, македонец. А я сделаю свое. Скажи интендантам, пусть выдадут вина всем расчетам. Полную чашу каждому. Прямо сейчас. И отправь гонца к моей жене. Передай ей цифры расхода реагента на эти две башни. Посмотрим, выдержит ли океан эту соль.

Император развернулся и пошел прочь из Долины Механикумов, обратно к своему шатру. Солнце начало клониться к западу, окрашивая желтую пыль пустыни в цвет запекшейся крови. До штурма оставалось меньше суток.

****Часть II. Алхимия рычага (Развитие действия)****

Октавия сидела на перевернутой пустой амфоре в центре своего командного пункта — огромной палатки из плотной парусины, полы которой были подняты для сквозняка. Внутри стояла своя атмосфера: тяжелый запах горячего пчелиного воска, исписанного пергамента и кислой меди. Свет давали три масляные лампы, сделанные из гильз артиллерийских снарядов.

Перед ней на низком столе была расстелена карта окрестностей Хатры, придавленная по краям латунными гирями. Карта была живой. Специально обученные писари каждые полчаса наносили на нее изменения угольными карандашами: движение обозов, уровень воды в цистернах, плотность дыма над вражескими кварталами.

Рядом с картой лежали восковые таблички и абак. Октавия производила расчеты. Ее пальцы, украшенные лишь простым железным кольцом мужа, летали над костяшками счет с невероятной скоростью. Сухой стук деревянных бусин сливался в монотонный ритм, похожий на работу часового механизма.

Гонец от Керка появился без доклада. Молодой декурион связи, весь серый от пыли, упал на одно колено прямо в проходе, тяжело дыша. Протоколы остались где-то далеко, на мирных форумах Рима.

— Домна... Инженер передает данные по давлению...

Октавия подняла на него взгляд. Глаза секретаря императора, обычно ясные и холодные, покраснели от недосыпания. Последние трое суток она спала урывками по двадцать минут, положив голову на стопку грузовых манифестов.

— Говори главное. Сколько модиев пирита ушло сверх нормы?

— Четыре тысячи восемьсот тридцать два, домна. Плюс двенадцать модиев концентрированной кислоты из Массилии. Резервуары текут от перегрева, бригада техников пытается наложить бандажи из пропитанной уксусом кожи, но давление сбрасывается через аварийные клапаны...

Октавия закрыла глаза. Быстро, экономно прикоснулась кончиками пальцев к векам. Затем открыла их снова. Усталость исчезла, смытая волной холодного профессионализма.

— Переведи кислоту в резервную линию «Б». Пирит брать из запасов кавалерийского резерва, им придется ехать медленнее. Отправь приказ Керку: снизить температуру подачи в нижние контуры на десять градусов. Если металл поплывет, никакой рычаг не удержит восточную стену. Жизнь одного механика дешевле жизни одной алы всадников.

Она взяла стилос и сделала пометку на воске. Затем встала. Ростом она уступала большинству легионеров, но присутствие Октавии заполняло палатку целиком. На ней была простая темно-серая туника, перепоясанная широким кожаным ремнем, на котором висела короткая гладиа офицера штаба. Никаких инсигний власти, никаких пурпурных полос. Единственным признаком ее статуса был тяжелый плащ-пенула из меха тибетской собаки, брошенный на плечи вопреки тридцатиградусной жаре — постоянная дань хронической простуде, заработанной еще в сырых архивах Британии.

— Где Император? — спросила она, сворачивая карту в тугой рулон.

— Проверяет боевой дух пехоты, домна. Сказал, что солдаты должны видеть его красный гребень перед завтрашним днем.

— Солдаты видят его красный гребень чаще, чем собственные жены, — губы Октавии тронула едва заметная улыбка. — Собери совет через час. Нам нужно пересмотреть график движения фур с зерном. Если завтра вечером армия останется голодной, потому что мост через пересохший ручей не выдержит веса повозок, Керк может поднимать стены Хатры до второго пришествия Суллы — империи конец. Накорми сначала печи, потом людей.

Декурион кивнул и растворился в солнечном свете снаружи. Октавия вышла следом.

Лагерь готовился к ночи. Обычно вечер приносил облегчение, но в пустыне близ Хатры сумерки означали лишь смену пытки: дневной жар сменялся ночным холодом, пробирающим до костей. Сотни костров освещали сотни лиц. Легионеры чистили оружие, штопали одежду, играли в кости на пайковые лепешки. Никто не пел песен. После бойни на Евфрате веселый

цинизм ветеранов сменился мрачной сосредоточенностью. Все понимали: завтрашний день станет либо величайшим триумфом Александра, либо братской могилой для Двадцати легионов Востока.

Октавия шла вдоль рядов палаток, отвечая на салюты коротким кивком. Ее мозг работал непрерывно, перебирая варианты логистических цепочек. Вдруг она остановилась.

Впереди, у большого госпитального шатра, собралась толпа. Люди молчали, расступаясь, когда оттуда выносили очередное тело, накрытое куском дерюги. Раненых везли на простых деревянных тележках с колесами из цельного среза бревна — тряска причиняла дополнительные муки, но других средств эвакуации не было. Хирурги работали при свете факелов, и запах паленого мяса — запаха прижигаемых ран — стелился по ветру вместе с пылью.

Один из медиков, старик Гален, ученик великого Цельса, вышел из шатра, стягивая с рук липкие перчатки. Увидев Октавию, он устало привалился к шесту палатки.

— Домна, — просипел он. — Прикажите вашим инженерам закрыть хотя бы один клапан. Ко мне несут мальчишек с лопнувшими барабанными перепонками. Шум котлов Керка слышен за три мили. Постоянная вибрация почвы вызывает приступы морской болезни у половины гарнизона, а вторая половина глохнет. Мы скоро не сможем отдавать команды голосом.

— Потерпите, Гален, — мягко ответила Октавия, кладя ладонь на его мокрый лоб. — Завтра к полудню наступит абсолютная тишина. Либо потому что стена падет, либо потому что некому будет шуметь.

Она оставила врача и пошла дальше, ускоряя шаг. Ей нужно было проверить посты дальних дозоров. Песчаные бури в этих краях начинались внезапно, а потеря бдительности накануне штурма стоила бы слишком дорого.

Вернувшись в палатку глубокой ночью, когда первые звезды проступили на фиолетовом небе, Октавия обнаружила на своем столе новый предмет. Небольшой глиняный флакон, запечатанный красным сургучом. Внутри переливалась густая, тягучая жидкость янтарного цвета.

Записка, написанная знакомым быстрым почерком Александра, гласила: *«Для смазки суставов твоей логистики. Не дай моим мулам встать. P.S. Вода в моем личном кубке пахнет медью. Проверь фильтры»*.

Октавия взяла флакон. Масло высшей очистки, добытое из скважин Киренаики специально для точной механики. Она спрятала его в ящик стола, заперла на ключ и впервые за четверо суток позволила себе снять сапоги. Растирая опухшие ступни, она смотрела на карту Хатры. Желтый круг скалился на нее нарисованными зубцами башен.

Математика должна была победить. Иначе зачем нужны были все эти жертвы?

****Часть III. Касание стали (Кульминация: Начало штурма)****

Рассвет выдался бледным и болезненным. Солнце выползло из-за горизонта мутным, сплюснутым диском, залив пустыню мертвенно-желтым светом. Воздух был неподвижен. Ни ветерка. Даже вороны, всегда кружившие над лагерями смерти, куда-то исчезли.

Тишину разорвал первый рев букцины. Низкий, утробный звук прокатился над замершей армией, заставляя вибрировать воздух в легких.

Легионеры Первой когорты Италики уже стояли в полном вооружении. Их доспехи тускло поблескивали в рассветных сумерках. Это были не молодые новобранцы, визжащие от восторга битвы. Это были ветераны Мармарикской войны. Мужчины с лицами, иссеченными песком и шрамами. Они проверяли крепления своих коротких автоматических арбалетов системы Герона Александрийского — грозного оружия, способного выпустить очередь из пяти бронебойных болтов за десять секунд. Болты были снабжены наконечниками из закаленной марганцевой стали, способными пробить парфянскую чешуйчатую броню насквозь.

Александр прошел вдоль строя пешком. Своего вороного жеребца он оставил в резерве — конь нервничал от рева механизмов, а императору нужен был контакт с землей, чтобы чувствовать ритм армии.

На императоре не было тяжелых доспехов. Только старая добрая лорика сегментата, отполированная до зеркального блеска, и простой шлем-галеус без плюмажа. Красный гребень привлекал лишнее внимание вражеских стрелков. Александр шел медленно, останавливаясь у каждого манипула. Он ничего не говорил патетического. Он просто смотрел солдатам в глаза. Одному поправил съехавший набок наплечник. Другому кивнул, узнав старого знакомого по рейдам в Нумидии. Третьему бросил короткое:

— Держи строй, Тит. Не лезь под кирпичи раньше времени.

Солдаты отвечали ему такими же тихими, уверенными взглядами. Между ними и их повелителем не было страха. Было понимание общего дела. Они шли не умирать. Они шли работать самым опасным ремеслом в мире.

У подножия холма, где заканчивался строй пехоты, ждали они. Две Железные Девы, как прозвали их шепотом в лагере.

Керк стоял на платформе головной башни. Он снял свою пропитанную маслом тунику и остался в одних коротких штанах. Его худое, истощенное тело было покрыто сажей и свежими мазками белой глины, которой пытались остановить кровотечение из мелких порезов. Он держал в руках длинную обмотанную кожей рукоять главного распределительного вентиля.

Заметив императора, Керк отсалютовал сжатой в кулак рукой.

— Давление номинальное, Цезарь. Металл поет. Если боги механики сегодня на нашей стороне, мы принесем тебе ключи от города к обеду. Если нет — мои кишки красиво украсят внутреннюю облицовку котла.

Александр позволил себе редкую, сухую улыбку.

— Постарайся выжить, Керк. Мне надоело искать инженеров, которые понимают разницу между давлением пара и собственным тщеславием. Начинай.

Инженер нырнул в люк. Люк захлопнулся с глухим лязгом, отрезая его от мира живых. Теперь управление переходило к дублирующим системам.

По цепи передали команду сигнальщикам. Два ярких зеркала поймали солнечные лучи и послали вспышку на крышу командирской палатки, где сидел дежурный офицер с астрольбией.

— Первая секция — марш! Интервал сто шагов!

Земля дрогнула. Сначала это была легкая вибрация, похожая на далекий гром. Затем она переросла в низкий, непрерывный гул, который поднялся из-под ног и вошел в кости.

Первая башня начала двигаться.

Это не было похоже на движение живого существа или обычной повозки. Машина не катилась. Она переступала. Гидравлические опоры выдвигались с шипением выпускаемого пара. Длина каждого шага составляла почти пять локтей. Широкие стальные стопы-лапы глупо впечатывались в спекшуюся глину, оставляя следы шириной в человеческий торс.

Звук был ужасающим. Скрежет стали о камень, ритмичное уханье поршней, басовитый вздох огромных мехов, нагнетающих воздух в топки. Казалось, сама гора сошла с места и идет убивать.

Лучники на стенах Хатры заметили движение одновременно с тем, как первая машина пересекла невидимую черту трехсот локтей от стены.

Над крепостью поплыл тревожный вой боевых рогов. Засуетились темные фигурки на башнях. Вспышки — это фитили сифонофор, метавших греческий огонь, загорелись в утреннем сумраке.

Потоки жидкого пламени — смеси нефти, селитры и серы — обрушились на приближающуюся башню. Горящая река стекла по наклонной броне. Огонь стекал по стальным лапам, прожигая сухую траву у основания машины. Температура внутри башни мгновенно подскочила, но многослойная обшивка работала как термос. Внутри стало невыносимо жарко, рабы-кочегары начали падать в обморок от тепловых ударов, но внешняя поверхность лишь слегка покраснела. Греческий огонь бессильно соскальзывал в песок, не в силах добраться до уязвимых сочленений.

— Вторая секция — марш! — прогремел голос Александра, усиленный медными рупорами связистов.

Вторая башня пришла в движение вслед за первой. Расстояние между машинами составляло ровно сто шагов — идеальная дистанция, чтобы взрыв одной машины от прямого попадания тяжелого камня не уничтожил обе сразу.

Стрелы посыпались с неба настоящим ливнем. Черный дождь из древка и железа. Они били в борта, высекая снопы синих искр. Некоторые находили щели между бронеплитами, вонзаясь в дерево внутренних распорок. Одна стрела, выпущенная с дьявольской точностью, пробила смотровую щель передней башни. Истошный вопль изнутри подтвердил догадку: кого-то из офицеров управления пронзило насквозь.

Машина даже не замедлила ход. Кровь механика смешалась с машинным маслом на полу рубки, но рука оставшегося в живых помощника продолжала вращать штурвал курса.

Когда до внешней стены Хатры осталось семьдесят локтей, башни остановились. Они замерли напротив сектора главных ворот внутренней цитадели. Угол их наклона относительно стены был рассчитан Керком до градуса.

Наступила пауза. Напряженная, звенящая тишина, в которой был слышен только треск пламени и отдаленные крики парфянских командиров. Лучники прекратили стрельбу, осознав бесполезность железа против этой движущейся крепости. Со стен полетели более серьезные гостинцы — огромные базальтовые ядра, запускаемые тензионными машинами.

Первое ядро пронеслось мимо, врезавшись в землю позади второй башни и подняв фонтан песка. Второе ударило точно в центр головного гиганта.

Всех, кто наблюдал снаружи, сотряс воздушный удар. Звук удара многотонного камня о сталь невозможно было сравнить ни с чем. Это был звук конца света. Глубокий, утробный *БУМ*, от которого заболели зубы. Башня содрогнулась, опасно качнувшись на своих гидравлических ногах. Толпа зрителей в римском лагере ахнула. Несколько человек инстинктивно сделали шаг назад, ожидая, что чудовище сейчас рухнет.

Но башня устояла. Амортизационные подушки из плотно спрессованной овечьей шерсти и дубовых брусьев внутри корпуса погасили энергию удара. На внешней броне осталась лишь глубокая вмятина размером с щит.

Керк активировал главные цилиндры.

Из днища обеих башен выдвинулись короткие, невероятно толстые стальные штанги. Их тупые, плоские наконечники — блины из чистой бронзы площадью в три квадратных локтя — нацелились на камни фундамента под аркой ворот.

Расстояние сократилось. Десять локтей. Пять.

Металл коснулся камня.

Сначала ничего не происходило. Башни просто мелко дрожали, работая на холостом ходу, передавая микровибрации почве. Парфяне на стенах начали смеяться, указывая пальцами на нелепые железные столбы.

Затем Керк открыл главный магистральный вентиль.

Вой насосов перешел в ультразвук. Смесь перегретой воды и катализаторов Октавии под давлением в двести атмосфер ударила в поршни.

Штанги пришли в движение. Медленно, неотвратно, с нарастающим низким гулом, они начали удлиняться.

Скриип. Ггтррум.

Фундамент арки сопротивлялся долю секунды. Этого хватило, чтобы напряжение достигло критической точки. Известняк — порода хрупкая. Он отлично работает на сжатие, но совершенно не терпит сдвигающего усилия снизу вверх.

Раздался звук, похожий на тот, с которым столетнее дерево разрывает свои корни, выходя из земли.

Огромный блок кладки — целый пласт стены высотой в четыре локтя и шириной в десять — приподнялся над землей. В образовавшуюся снизу щель толщиной в ладонь посыпался золотой песок строительного мусора.

Парфяне наверху замолчали. Смех умер в их глотках. Они смотрели, как демоны из подземного мира поднимают их святыню одним нажатием рычага.

Керк не останавливался. Давление росло. Поршни вытягивались, дюйм за дюймом увеличивая подъем. Щель расширилась до локтя. До двух.

Камень начал трещать. Внутреннее напряжение блоков, идеально подогнанных друг к другу столетия назад, нашло выход. По желтой поверхности стены зазмеились белые молнии трещин. Сначала тонкие, как волосы, они стремительно утолщались. Облицовочные плиты начали отваливаться целыми листами, обнажая грубую сердцевину кладки.

— Еще десять атмосфер! — проревел Керк в переговорную трубу, игнорируя кровь из носа, которая хлынула от перегрузок. — Держать вектор строго вертикально! Если стена пойдет боком, она раздавит нас самих!

Верхняя часть арки ворот — знаменитый «Замковый камень Хатры», монолит весом в шестьдесят талантов — дала первую трещину прямо посередине. Тонкую, аккуратную линию, разделившую искусно вырезанное изображение бога Шамаша.

А затем сопротивление исчезло.
Фундамент уступил.

Вся конструкция восточной секции внутренней стены — фрагмент длиной в сорок шагов и высотой в пятнадцать — начала плавно, величественно уходить вверх. Это не было разрушением. Это было хирургическим вмешательством. Башни Керка действовали не как тараны, а как челюсти исполинских щипцов. Они брали кусок города и аккуратно отрывали его от земли.

Пыль поднялась столбом, затмив солнце. Желтое облако поглотило обе машины, верхнюю кромку стены и всех защитников, оказавшихся на пути подъема.

Внутри этого облака творился ад. Температура достигла семидесяти градусов. Рабы у топок падали замертво, их легкие сгорали от вдыхания раскаленного воздуха. Медные трубки конденсаторов светились вишневым цветом. Керк сорвал голос, выкрикивая команды помощникам, регулирующим баланс нагрузки. Если одна башня даст сбой хотя бы на пару дюймов, многотонная махина стены неминуемо соскользнет вбок.

Снаружи, в лагере, люди стояли задрав головы. Александр видел, как желтое облако растет, поглощая горизонт. Земля под ногами продолжала мелко подрагивать — неравномерный ритм выдавал титаническую борьбу металла и архитектуры.

Прошло три минуты. Самые долгие три минуты в истории осадного искусства.

Облако начало оседать.

И взглядам легионеров открылась картина, навсегда изменившая правила ведения войны.

Восточная стена Хатры стояла. Но теперь она стояла параллельно земле. Огромная, тяжеленная плита известняка зависла в воздухе на высоте восьми локтей, опираясь лишь на два стальных пальца гидравлических поршней. Под ней зияла абсолютно чистая, геометрически правильная пустота. Проход высотой в два человеческих роста, ведущий прямо на главную улицу торгового квартала, минуя внешние форпосты, ловушки и баррикады.

Где-то внутри покореженной кабины главной башни человек по имени Керк Македонский стер с губ кровавую пену и нажал кнопку сброса давления.

Апокалипсис закончился. Началась работа мясников.

****Часть IV. Биомеханический организм (Развитие действия: Прорыв обороны)****

Центральная плита на «спине» головной башни вновь пришла в движение, но на этот раз гидравлика работала в обратном направлении. Сложная система противовесов опускала огромную аппарель не вверх, а вперед, принимая почти горизонтальное положение. Дерево ударилось о брусчатку улицы Хатры с грохотом, который показался оглушительным после часа металлического скрежета.

Удар послужил сигналом.

Из темноты десантного отсека, из клубов остаточного пара, пахнущего озоном и смертью, в солнечный свет шагнули легионеры.

Они не бежали с боевым кличем «Барра!», разносящимся над полем боя. Они выходили строевым шагом. Четкий, размеренный ритм подкованных подошв о камень звучал страшнее любого крика. В узких переулках Хатры, где индивидуальная ярость часто приводила к гибели отряда в окружении, такая дисциплина была единственным залогом выживания.

Первые ряды атакующих выглядели нереально, почти потусторонне. На каждом пехотинце был надет респиратор — медная маска с круглыми стеклянными глазницами и длинным фильтрующим хоботом, свисающим на грудь. Внутри фильтров находилась смесь древесного угля, пропитанного уксусом, и гигроскопичной соли. Это защищало от едкой пыли, поднятой обрушением, и, что важнее, от горшков с негашеной известью, которыми щедро осыпали нападающих с крыш прилегающих домов. Благодаря этим маскам легионеры биомеханического авангарда казались единым существом — безликим, неуязвимым муравьиным львом, выбравшимся из песчаной норы.

Вооружение дополняло жуткое впечатление. Вместо традиционных пилумов, годных лишь для одного броска, в руках бойцов поблескивали короткие автоматические арбалеты системы Герона Александрийского. Латунные коробки магазинов, примкнутые снизу, вмещали по пятнадцать тяжелых болтов с листовидными наконечниками из закаленной марганцевой стали.

Щелчки тетив слились в сплошной, методичный треск, похожий на звук горящего сухого хвороста.

Первый ряд парфянских ополченцев, высыпавших навстречу захватчикам из ближайшей улочки слева, перестал существовать за считанные секунды. Кожаные доспехи, плетеные щиты из ивовых прутьев и даже редкие трофейные кольчуги не держали современную металлургию. Болты прошивали тела насквозь, прибивая падающие трупы к глинобитным стенам домов. Древняя война копий и мечей столкнулась с промышленной скорострельностью и проиграла начисто.

Александр наблюдал за выходом десанта с вершины небольшого холма, спешившись и широко расставив ноги для устойчивости. Бой за плацдарм развивался по графику с погрешностью менее чем в три процента. Идеально. Холодная, математическая красота уничтожения завораживала его. Для человека, потерявшего глаз в резне, вид крови переставал быть эмоциональным потрясением и становился лишь набором переменных в уравнении захвата территории.

— Направить вторую волну бронетехники по следам траков, — распорядился он, не повышая голоса. Адьютант с медным рупором продублировал команду вниз, к операторам оставшихся машин. — Пусть утрамбуют почву своими лапами. Октавия, статус логистики правого крыла?

Октавия подъехала верхом минуту назад. Ее маленькая выносливая кобыла персидской породы нервно прядала ушами, шарахаясь от запаха гари, но поводья в руках хозяйки были натянуты жестко. Сама Октавия преобразилась. Куда делась уставшая женщина с серым лицом, считающая потери среди мулов? В седле сидела воплощенная эффективность. На ее плечах поверх туники тускло мерцала легкая кольчуга из мифрилового сплава норикских рудников — подарок Александра на их первую годовщину. Кольчуга весила меньше фунта и совершенно не стесняла движений, позволяя телу дышать в удушливой жаре.

— Понтоны собраны, — отрапортовала она, прижимая к груди планшет с восковыми табличками. — Первая очередь тяжеловозов переходит русло высохшего канала. Потери тяглового скота минимальны — шесть лошадей затоптаны испуганными верблюдами каравана сирийских купцов. Я конфисковала верблюдов.

— Теперь дефицит мяса закрыт на ближайшие три дня, — закончила она фразу ровно с того места, где оборвался текст. Ее голос, усиленный медным рупором, перекрывал лязг гидравлики и крики умирающих в проломе. — Интендант Третьего легиона рыдает у полевых кухонь, говорит, что мясо верблюда оскорбляет честь Марса, но пусть учится готовить гумбо или отправляется чистить конюшни скифскими граблями.

Император коротко рассмеялся. Смех прозвучал жутко из-под жесткого лика шлема, отражая абсолютную отстраненность от происходящего вокруг ужаса.

— Скажи ему, что Марс любит победителей, а победителей кормит эффективность. Передай приказ по цепи: скорость продвижения армии не должна превышать скорость работы полевых кухонь. Сытый легионер идет быстрее голодного, Октавия. Контролируй темп выгрузки тяжелого зерна. Если лошади падут от жажды раньше, чем мы закрепимся на дворцовой площади, твои цифры станут надгробной эпитафией нам всем.

Октавия перехватила его взгляд. Бой кипел всего в тридцати шагах впереди, там, где штурмовая центурия пыталась выбить баррикаду из горящих телег, преградившую путь к глав-

ной улице торгового квартала. Но для них двоих сейчас существовала только женщина на серой кобыле и император в пыльном панцире.

— Логистика будет идеальной, Цезарь, — ответила она, и в ее глазах на мгновение блеснул тот самый ледяной огонь, за который Александр когда-то выбрал ее среди сотен кандидаток. — Даже если мне придется заставить интендантов съесть свои учетные книги вместе с пергаментом.

Александр позволил себе ответную усмешку, которая тут же исчезла под жесткой линией шлема.

— Тогда проследи, чтобы они выбрали пергамент попостнее. Мне нужны здоровые желудки для марша на дворец Аршакидов.

Тем временем бой внутри Хатры начал менять свой характер. Первоначальный шок защитников прошел. Парфяне были плохими солдатами в открытом поле против римской дисциплины, но здесь, в лабиринте узких улиц древнего восточного города, правила игры менялись.

****Часть V. Лабиринт смерти (Развитие действия: Уличные бои)****

Торговый квартал встретил легионеров хаосом. Башня Керка проделала брешь шириной в тридцать шагов, ведущую прямо на главную улицу пряностей, но этот проход стал смертельной ловушкой. С обеих сторон возвышались трехэтажные дома из саманного кирпича, крыши которых смыкались вверх, образуя темные туннели. Солнце сюда почти не проникало, зато парфянские пращники чувствовали себя как рыбы в воде.

Из темных окон второго этажа полетели первые снаряды. Не камни — глиняные корчаги, запечатанные смолой. Они разбивались о skutумы щитовиков-марсиан, выпуская наружу облака густого желтого порошка.

— Известь! — прохрипел декурион первой тройки, отворачивая лицо. — Закрывать маски!

Но было поздно. Едкая пыль мгновенно заполнила легкие тех, кто оказался в первых рядах. Легионеры начали сгибаться в приступе жестокого кашля, их глаза слезились, превращаясь в слепые щелочки. Движение авангарда захлебнулось. Строй сломался. Враг радостно взвыл на гортанном наречии, и со свистом крыш сорвались вниз тяжелые бронзовые грузы, подвешенные на кожаных ремнях — примитивная, но эффективная система маятниковых таранов, призванная сметать щиты.

Один из сосудов разбился в пяти шагах от Октавии. Белая едкая пыль взметнулась плотным облаком, скрывшим солнце. Кобыла заржала, дико вращая глазами и вставая на дыбы, едва не выбросив хозяйку из седла. Жар пустыни смешивался с химическим ожогом. Октавия жестко осадил животное коленями, чувствуя, как жжение вливается в открытую кожу шеи. Слезы мгновенно выступили на глазах, горло перехватило спазмом. Она успела натянуть край своего мехового плаща на нижнюю часть лица, закрыв нос и рот, прежде чем вдохнуть смертельную смесь.

Мир сузился до размеров смотровой щели респиратора. Звуки стали глухими, далекими. Она видела лишь размытые силуэты своих людей, которые ломали строй, пытаясь закрыться от сыплющихся сверху камней.

И в этот момент рядом возник он.

Конь Александра встал бок о бок с ее лошадей, используя собственное тело как живой щит от летящих сверху обломков. Император спрыгнул на землю одним плавным движением, несмотря на плохо слушающуюся правую руку. Он схватил поводья ее обезумевшей кобылы, принудив животное опуститься на все четыре ноги. Его собственный вороной жеребец стоял чуть позади, нервно перебирая ногами; стрела пробила дорожную расшитую попону, но, кажется, не задела мышцу.

Александр сорвал с пояса небольшую флягу из серебра, покрытого изнутри воском, и протянул ей.

— Промой глаза, — приказал он. Голос звучал механически, без тени страха или заботы, словно он отдавал команду починить лопнувший ремень трансмиссии. — Это хлорид кальция, местная гадость. Не смертельно, если не глотать.

Октавия приняла флягу трясущейся рукой. Холодная вода обожгла воспаленную кожу. Она плеснула себе в лицо, жадно хватая ртом воздух через ткань плаща. Жжение медленно отступало, зрение начало возвращаться. Она увидела мужа вблизи — слой пыли покрывал его лицо так густо, что морщины казались вырезанными в дереве, а красная краска на гребне шлема потекла грязными разводами.

— Спасибо, — прохрипела она, возвращая сосуд. — Нам нужно менять маршрут обхода. Переулок Сокровищ заблокирован баррикадой из колесниц. Предлагаю направить третью «черепашу» через рынок пряностей. Жалко товар, специи забьют фильтры ходовой части, но проход шире минимум на пять локтей.

Александр кивнул. Его лицо было совершенно спокойным. Кровь, залившая брусчатку у ворот, запах горелого человеческого мяса из-под рухнувших балок и крики умирающих в давке — всё это было для него лишь фоновым шумом, набором тактических переменных.

— Согласовано, — бросил он. — Дай сигнал синим флагом командирам второй волны. И найди мне свежего коня. Этот ранен в круп, долго не протянет. Животное стоит дороже десятка рабов, распорядись отправить его хирургам после боя.

Только сейчас Октавия заметила, что бок вороного жеребца действительно залит темной, пузырящейся кровью. Животное дрожало мелкой дрожью, закатывая белки глаз, но продолжало стоять смирно, повинаясь железной воле хозяина, исходящей даже от простого прикосновения его руки.

— Коня пришлю из резерва прессы немедленно, — кивнула Октавия, окончательно приходя в себя. Хлорид кальция прочистил не только глаза, но и разум. — А твоего заберут хирурги следом за обозами. Может быть, спасут.

— Если не спасут, пустите на колбасу для десятой когорты, — пожал плечами император, принимая обратно поводья и успокаивая коня тихим, вибрирующим звуком. — Нечего переводить фураж на мертвое мясо. Пусть служит Республике до конца.

Эта фраза, сказанная посреди ада с интонацией человека, обсуждающего цены на оливковое масло, внезапно сломала что-то внутри Октавии. Вся циничная броня императорского секретаря, весь ледяной расчет, которым она защищалась последние полгода бессонных ночей и мертвой бухгалтерии, дали глубокую трещину. Она посмотрела на этого человека, который только что отправил сотни людей на смерть ради геометрической чистоты прохода, рассуждал о дефиците мяса и успокаивал ее после химического ожога с нежностью врача, препарирующего лягушку.

Ей захотелось ударить его. Или обнять. Или сделать и то, и другое одновременно, пока абсурдность ситуации не достигла критической массы и не выжгла остатки ее человечности.

— Ты невыносим, Марк, — тихо сказала она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал перед лицом подчиненных, снующих мимо с носилками.

Он наконец повернулся к ней полностью. Бой кипел впереди, его гвардия прорубалась сквозь засаду аршакидских бессмертных к дворцовой площади, но для него в эту секунду существовала только женщина на серой кобыле с закопченным лицом.

— Знаю, — просто ответил он. — Но империя управляется либо страхом, либо арифметикой. Страх дешевле, расходует меньше угля и железа, но математика долговечнее. Я выбрал математику. Поэтому мы побеждаем.

Он приподнял край своего шлема, обнажая нижнюю часть лица, заросшую колючей щетиной, пропахшей потом и порохом, и быстро, почти целомудренно коснулся сухими губами ее виска, заросшего солью и гарью. Это был жест абсолютной близости в мире, где близость была непозволительной роскошью, отвлекающей от управления механизмом войны.

— Возвращаясь к таблицам, Домна, — шепнул он, отстраняясь. — Война продлится до заката. Город падет к вечеру, я чувствую трещины в его фундаменте. Но если завтра утром у моих солдат не будет горячего хлеба и чистой воды, я проиграю эту кампанию, несмотря на все мои железные башни и стальные аргументы.

Октавия сглотнула ком в горле, который мешал дышать сильнее, чем известковая пыль. Она ударила лошадь пятками в бока, направляя ее прочь от линии огня, обратно к реке, туда, где дым пожарищ был менее густым и можно было наладить работу разгрузочных команд.

— Хлеб будет, Цезарь, — бросила она через плечо, снова становясь функцией, винтиком огромной машины. — Даже если мне придется испечь его из собственных ботинок и кожи запасных палаток.

Александр долго смотрел ей вслед. Силуэт жены растворялся в сизом пороховом дыму, подсвеченном алым пламенем горящего караван-сарая. Затем он поправил съехавший набок гребень шлема, плотнее затянул ремешок подбородка и направил коня шагом в сторону пролома в стене. Там, впереди, его ждал трон Аршакидов. Позади оставалась Октавия — единственный человек в Ойкумене, знающий, что золото этого трона разъедает кислота, и умеющая считать капли яда в каждой победе Вечного Города.

****Часть VI. Тиски сжимаются (Кульминация: Захват плацдарма)****

Бой переместился из торговой улицы в жилые кварталы. Здесь технология начала давать сбои. Огромные «черпахи», столь эффективные против крепостных валов, оказались слишком громоздкими для плотной городской застройки. Ширина переулков зачастую не превышала двух метров. Машины застревали между домами, царапая каменную кладку бортами и вызывая обрушение верхних этажей. Пришлось оставить тяжелую технику во внешнем кольце обороны, довершив прорыв классической пехотой.

Легионеры перестроились в колонны по трое, максимально сужая фронт. Впереди шли принципы с большими прямоугольными skutумами, обитыми листовым свинцом для защиты от зажигательных стрел. За ними, пригнувшись, двигались стрелки, державшие под прицелом каждое окно и каждую крышу.

Хатра сопротивлялась отчаянно. Жители города — купцы, ремесленники, храмовые служители — понимали, что Рим не берет пленных в восточных кампаниях. Это была война на уничтожение культуры. Мужчины дрались кухонными ножами, серпами, цепями для обмолота зерна. Женщины выливали на головы наступающих кипятки из окон. Дети метали острые куски черепицы.

Это была мясорубка. Закованная в сталь волна римлян столкнулась с первобытным ужасом восточной резни. Узкие переулки мешали маневру тяжелых щитов, лишая легионеров возможности использовать главное преимущество — тестудо. Броня сегментаты спасала от скользящих ударов, но зазоры в сочленениях пропускали раскаленное масло. Запах паленых волос и вопли обожженных сливались с хрипом раненых, затоптанных в тесноте собственного строя.

В какой-то момент колонна Первого Италийского попала в классическую парфянскую западню. Улица впереди оказалась перегорожена высокой стеной из навоза и сырцового кирпича, пропитанного нефтью. Пока передние ряды пытались растащить завал крючьями, боковые улочки, казавшиеся пустыми, извергли десятки воинов. Они прыгали с плоских крыш соседних домов прямо на задние шеренги римлян, вооружившись длинными кривыми ножами-занджарями, предназначенными для перерезания горла жертвам в храме.

Командир манипула, старый центурион Корбулон, ветеран германских лесов, не растерялся.

— Круг! Центурии внутрь! — рявкнул он, отбрасывая бесполезный сейчас пилум.

Его солдаты действовали инстинктивно, вбивая каблуки в мостовую. Те, кто был снаружи, сомкнули щиты, образовав непробиваемый шар. Те, кто оказался внутри, прижались друг к другу спиной к спине, выставив вперед короткие гладиусы. Началась кровавая баня. Парфяне, привыкшие рубить бегущих, столкнулись с монолитом. Кривые клинки звенели о бронзу skutumov, соскальзывая. Римляне работали короткими, экономными выпадами снизу вверх, вспарывая животы всадникам и режа сухожилия лошадям местной породы, которых парфяне использовали для давки в толпе.

Корбулон сражался молча. Пот заливал единственный зрячий глаз, но рука, державшая гладий, не знала усталости. Он убил семерых, прежде чем брошенный откуда-то сверху тяжелый мельничный жернов раздробил ему ключицу. Выпустив щит, центурион упал на колени, но даже тогда продолжал наносить удары мечом по ногам врагов, пока чей-то клинок не прервал его дыхание.

Падение командира могло стать концом манипула, если бы не резерв.

Александр услышал изменение ритма боя своим единственным здоровым ухом еще до того, как пришли доклады связистов. Хаотичный рев толпы сменился более упорядоченным звоном стали, а затем — тяжелым, мерным грохотом, от которого завибрировала земля под копытами его коня.

— Прорвать фланг, — холодно приказал он трубачу. — Сигнал «Молот».

Трижды пропел квинкитарий. Низкий, властный звук разрезал какофонию уличного сражения.

С севера, проламывая стены внутренних дворов и круша хрупкие деревянные галереи, двинулась третья «черепаша». Керк, получив сообщение о патовой ситуации в жилых кварталах, принял решение рискнуть машиной. Вместо того чтобы пытаться втиснуть гиганта в переулок, он повел его напролом через внутренние помещения домов.

Огромная машина шла сквозь город, как игла сквозь ветхую ткань. Она не выбирала дороги. Она создавала ее сама. Массивные гидравлические лапы прошивали тонкие перекрытия первого этажа, обрушивая целые здания внутрь самих себя. Машина вышла на пересечение двух главных улиц прямо в тыл группе парфян, окруживших отряд Корбулона.

Для жителей Хатры это выглядело как конец света. Демон из меди и стали вырвался прямо из-под земли, из недр разрушенного дома, осыпаясь пылью и обломками мебели. Люк на макушке откинулся, и оттуда выдвинулась телескопическая штанга гидромолота.

Первый удар потряс саму основу города. Пятитонный стальной поршень рухнул вниз. Гранитная брусчатка перекрестка просела, образуя воронку. Тех, кто стоял рядом, просто превратило в красное месиво, размазав по стенам окружающих зданий.

Не останавливаясь, молот нанес второй удар, проламывая дренажную систему под улицей. Горячий пар из котлов турбин вырвался наружу гейзером, ошпарив ближайших защитников заживо.

Третий удар довершил дело. Целый квартал Хатры содрогнулся. Баррикада впереди рассыпалась в мелкую крошку под собственным весом.

Выход открылся.

Свежие силы преторианской гвардии, стоявшие в резерве у подножия холмов, перешли на бег. Тяжелая пехота в полном облачении, сверкая начищенной сталью, лавиной хлынула в образовавшийся проем, отсекая парфянский гарнизон от их единственного пути отхода к дворцовому комплексу. Окружение замкнулось. То, что начиналось как партизанская вылазка из подворотен, превратилось в методичное избиение.

****Часть VII. Дворцовая площадь (Развязка)****

К заходу солнца Хатра перестала существовать как единый оборонительный объект. Она превратилась в архипелаг очагов сопротивления. Внешние стены были взломаны, торговый квартал пылал, освещая багровым светом поднимающиеся над городом столбы черного дыма. Но сердце города — цитадель Аршакидов и прилегающая к ней огромная площадь для парадов — все еще держалось.

Площадь была вымощена плитами белого мрамора, настолько чистого, что они слепили глаза даже в сумерках. Сейчас этот мрамор стал красным и скользким. Последние защитники — личная тысяча «бессмертных» царя Артабана III, одетая в пластинчатые доспехи из золота и черной бронзы — выстроились правильным квадратом перед высокими воротами дворца. Между ними и рвущимися вперед легионерами Александра лежала полоса открытого пространства длиной в сто пятьдесят шагов. Идеальное место для стрельбы.

Александр спешил. Посреди этой площади конь был слишком удобной мишенью. Он передал поводья подбежавшему ординарцу. Его лорика сегментата была помята в нескольких местах, красный гребень шлема посерел от въевшейся пыли, а левая рука висела плетью —

старая рана дала о себе знать после многочасового напряжения. Но походка императора оставалась твердой.

— Октавия? — спросил он, не поворачиваясь к адъютанту.

— Обозы вошли в северные ворота, — тут же отозвалась та. Она тоже сбросила свою элегантность, превратившись в загнанного, но эффективного зверя. Лицо покрыто копотью, туника порвана на плече, но глаза ясные. — Полевые кухни развернуты. Вода подается из захваченных акведуков, фильтрация работает штатно. Раненые эвакуированы за реку. Мы потеряли одиннадцать процентов личного состава убитыми и двадцать два тяжелоранеными. Гален просит разрешения начать ампутации, иначе начнется гангрена от жары.

— Разрешаю, — кивнул Александр. — Ампутировать без жалости. Выжившим выдать двойную порцию вина. Поставь наблюдателей на крыши, Керк сообщает, что котел третьей башни остывает неравномерно, возможен взрыв котла в течение часа. Отгони обозы подальше. Где мой штаб?

Октавия указала стилосом на левый фланг площади. Там, под защитой перевернутых вражеских боевых слонов, чьи туши уже начали пованивать на жаре, инженеры разворачивали складные столы с картами.

— Доклад от саперов?

— Подземные реки Хатры нестабильны. Попытка подкопа приведет к затоплению нижнего города. Инженерный корпус рекомендует...

— К черту подкоп, — отрезал император. — У нас нет времени. Сегодня ночью половина армии утонет в канализации, а вторую половину отравят колодцы. Действуем открыто. Прикажите артиллерийским башням выдвинуться на прямую наводку.

Две оставшиеся боеспособные осадные машины, те самые монстры, что подняли стену, медленно выползли на площадь. Их гидравлические лапы ступали осторожно, давя хрустящие кости погибших. Остановившись в восьмидесяти шагах от золотых ворот дворца, башни замерли. Турбины сбавили обороты, перейдя на низкое, угрожающее ворчание.

Со стороны «бессмертных» прилетела одна-единственная стрела. Черное древко вонзилось в землю у левого колеса головной башни. Символический вызов.

Александр снял шлем. Прохладный вечерний воздух впервые за сутки коснулся его лица. Он отдал шлем адъютанту и провел ладонью по мокрым от пота, соленым волосам. Затем он улыбнулся. Широкой, искренней улыбкой хищника, настигшего добычу.

— Боятся смотреть на мое лицо, — сказал он Октавии. — Думали увидеть демона из-за проклятия моего глаза. А видят обычного уставшего человека.

— Для парфян ты хуже демона, Цезарь, — ответила Октавия, проверяя заряд своего автоматического арбалета. — Демоны приходят и уходят. Арифметика остается навсегда.

По рядам легионеров пронеслась команда. Сотни автоматических арбалетов системы Герона защелкали взводимыми механизмами. Звук был сухим, деловитым, похожим на шелест миллионов саранчи. Легионы готовились дать последний, генеральный залп.

— Свет факелов, — негромко приказал Александр.

Два раба вышли вперед, неся на длинных шестах чаши с промасленной паклей. Они встали по бокам от императора, освещая его фигуру зловещим, дергающимся светом.

Александр сделал шаг вперед, выходя из-за спин своей охраны. Он остался один на пустой, залитой кровью и лунным светом мраморной площади. Один против тысячи лучших воинов Востока.

— Я даю вам выбор, которого вы не дали моим людям на Евфрате, — его голос прогремел над площадью, усиленный акустикой замкнутого пространства. Никакой трубы не требовалось. — Сложите оружие, и ваши семьи сохранят жизнь в качестве рабов Рима. Ваш царь может бежать через южные ворота, мне плевать на его голову. Мне нужен ваш город. Ваши механизмы. Ваша ненависть — оставьте ее себе, она согреет вас в темноте рудников Каппадокии.

Он выдержал паузу, давая переводчикам выкрикнуть слова на грубом парфянском диалекте. Золотые врата дворца оставались закрытыми. Ответом была лишь тишина, нарушаемая треском пожаров.

— Как пожелаете, — кивнул Александр.

Он поднял здоровую левую руку.

Тысячи тетив натянулись одновременно. Воздух над площадью загустел от вибрации. На мгновение время остановилось. Лунный свет отразился от наконечников марганцевых болтов, превратив наступающие шеренги легионеров в армию серебряных статуй.

— Огонь, — выдохнул император.

Ночь разорвал звук, подобный грому Юпитера. Сплошной, непрерывный треск десяти тысяч спускаемых механизмов. Темное небо буквально исчезло, закрытое сплошным ковром несущейся смерти. Болты летели так плотно, что казалось, будто невидимая сила тянет гигантское одеяло от римских рядов к золотым воротам дворца.

Первые ряды «бессмертных» перестали существовать как организованная сила. Стена из человеческих тел просто рухнула. Пробивная способность новых арбалетов была чудовищной — болт проходил сквозь золотой нагрудник, сквозь позвоночник стоящего сзади воина и застревал лишь в кирпичной кладке дворца.

Стрельба длилась ровно двенадцать секунд. Ровно столько потребовалось опытным ветеранам, чтобы опорожнить магазины и перезарядить оружие специальными обоймами.

Когда звон упавшего металла стих, площадь молчала.

Лунный свет теперь беспрепятственно падал на плиты. Первая линия парфянского заслона — четыреста отборных бойцов — лежала ровными, аккуратными рядами. Они напоминали не павших воинов, а небрежно сваленный торговцами товар. Ни один не ушел. Математика победила доблесть.

Оставшиеся в живых «бессмертные», спрятавшиеся за трупами товарищей, побросали оружие. Психологический эффект был сокрушительным. Одно дело — умереть от удара меча в честном бою, глядя в глаза врага. Другое — быть стертым с лица земли невидимой, безжалостной дробилкой чисел.

Александр надел шлем обратно. Красный гребень вновь поднялся над полем боя.

— Саперам — заряды под петли ворот, — буднично распорядился он, направляясь к своему коню. — Остальным — очистить площадь. Через час я буду пить вино в зале приемов Артабана. Октавия, вели найти мне чистые бинты. Рука немеет, скоро я не смогу держать меч даже левой.

Октавия кивнула, делая пометку на воске. В ее движениях больше не было ни тени усталости, лишь холодное удовлетворение хорошо выполненной работой.

— Бинты будут, Цезарь. И врач тоже. Хороший врач, греческий. Правда, он немного оглох от вашей артиллерии, но узлы вяжет превосходно.

Император вскочил в седло. Жеребец, получивший дозу обезболивающего макового отвара от ветеринаров, стоял смирно. Александр посмотрел на золотые ворота дворца, возле которых уже сустились саперы с горшками греческого огня и мешками пороха.

— Завтра отправишь депешу в Сенат, — сказал он, не глядя на жену. — Текст стандартный. «Город взят. Порядок восстановлен. Налоги удвоены ввиду стратегической важности региона».

— Добавить постскрипtum про расходы на кислоту? — усмехнулась Октавия, кутаясь в свою пенулу. Ночной холод пустыни уже начал пробираться до костей.

— Обязательно. Пусть цензор Кассий подавится своими сенаторскими кишками, читая счета за завоевание Солнца.

Он прищепил коня и двинулся к дымящимся вратам Хатры. Железная поступь Империи вступала в свой новый век. Желтый камень древней столицы сдался под напором давления, расчетов и холодной человеческой воли. Битва за Восток была выиграна. Оставалось лишь забрать ключи от мира из остывающих рук последнего царя Парфии.

Глава 18. Опасное приключение

Часть I. Белое безмолвие (Завязка)

Горы Загрос встретили армию Рима не величественными пиками, о которых слагали оды греческие поэты, а глухой, давящей тяжестью. Если берега Евфрата и пыльные равнины Хатры дышали сухим зноем и запахом раскаленного камня, то здесь воздух был колким и разреженным. Он обжигал легкие при каждом вдохе, оставляя во рту привкус крови из лопнувших капилляров. Солнце висело над перевалом тусклым медным диском, но его лучи не грели — они лишь слепили, отражаясь от бескрайних полей слежавшегося фирна и белых скал известняка.

Александр стоял на узком скальном карнизе, нависающем над пропастью глубиной в полторы тысячи локтей. Ветер, рожденный где-то в ледяных цирках на вершинах, завывал в расщелинах, бросая в лицо императору горсти мелкой гранитной крошки. Его старый плащ-палудаментум давно остался в обозе вместе с тяжелыми доспехами; сейчас тело императора прикрывала только тонкая кожаная субукула, пропитанная потом настолько, что задубела на морозном ветру, превратившись во вторую кожу.

Левый глаз, единственный зрячий после резни при Аквах Секстиевых, слезился от ультрафиолета. Черная повязка на правой глазнице промокла от пота и замерзла, неприятно холодя висок. Но хуже всего была нога. Старая рана, полученная от парфянского дротика еще

под Ктесифоном, воспалилась три дня назад. Плоть вокруг бронзового наконечника, который хирурги так и не смогли извлечь полностью, распухла и посинела. Каждый шаг отзывался пульсирующей болью, которая теперь отдавалась тупым молотом в основание черепа.

— Она весит сорок два таланта сверх нормы, Марк, — голос Октавии прозвучал за его спиной хрипло и тихо. — Гидравлика левого борта работает на пределе вязкости масла. При такой температуре любая сталь становится хрупкой, как стекло. Мы потеряем лапу целиком, если сделаем еще один шаг по этому склону.

Октавия стояла, опираясь на рукоять гладиуса, воткнутого в трещину между камнями. Ее меховая пелена покрылась серым налетом каменной пыли, темные волосы выбились из-под платка, а под глазами залегли тени такого глубокого фиолетового оттенка, что казались нарисованными углем. Хронический бронхит, заработанный ею еще в сырых архивах Британии, обострился на второй день подъема. Она постоянно кутала нижнюю часть лица в шарф, но это мало спасало от сухого кашля, разрывавшего ее грудь каждое утро.

Император не обернулся. Его взгляд был прикован к головной машине колонны. «Черепаха» номер четыре замерла поперек тропы, перекрыв единственную дорогу для обоза. Масивная гидравлическая опора-лапу намертво заклинило в V-образной базальтовой расщелине. Стальной сустав толщиной с туловище взрослого мужчины выгнулся под неестественным углом, и поршень внутри него натужно выл, пытаясь сдвинуть многотонную махину с места. От корпуса машины поднималось густое облако белого пара — система экстренного сброса давления работала непрерывно, чтобы котлы не взорвались от перегрузки.

Вокруг застывшего гиганта суежились люди. Легионеры Четвертой центурии рубили кайлами края тропы, пытаясь расширить площадку. Рабы-механики, голые по пояс, несмотря на десятиградусный мороз, скользили на окровавленных подошвах по стальным скобам, набрасывая широкие кожаные ремни на соседние выступы скал, создавая систему противовесов. Их тела блестели от смеси машинного масла и пота, который мгновенно замерзал на коже причудливыми белыми узорами.

— Вытащите ее, — ровным голосом произнес Александр, обращаясь к командиру инженерного манипула. — Если нужно снести половину горы — снесите. Колонна не пойдет дальше пешком. У нас нет сапог на такую высоту, легионеры сотрут ноги до костей за сутки.

Инженер, немолодой грек по имени Лисандр, вытер грязным рукавом кровь, сочащуюся из носа — высотная болезнь била по сосудам без разбора чина.

— Доминус, мы снимаем балласт с бортов, — прохрипел он. — Уже сброшены запасные траки, цепи и половина боезапаса легких арбалетов. Но камень держит ее мертвой хваткой. Там внизу жила слюды. Она сработала как тиски.

Александр медленно повернул голову. Движение далось ему с видимым усилием. Он посмотрел на Лисандра тем единственным глазом, в котором плескалось холодное бешенство человека, привыкшего ломать любые преграды волей, но столкнувшегося с равнодушием физики.

— Мне плевать на слюду, Лисандр. Мне плевать на твои сосуды. За этой машиной идут двадцать тысяч человек. Если колонна растянется по серпантину, завтра к вечеру кочевники-сиканы перережут наш тыл, как ягнят. А послезавтра авангард умрет от голода, потому что мулы не пройдут по этим козым тропам. Твоя машина должна лететь. Используй главный

котел. Открой клапаны на максимум. Если металл не выдержит — значит, Республика найдет другого инженера. Приступай.

Лисандр побледнел еще сильнее, хотя казалось, что белее уже некуда. Он открыл рот, собираясь напомнить императору о законе расширения тел при нагреве, о риске деформации швов... Но встретил взгляд Александра и осекся. Инженер коротко кивнул, ударил себя кулаком по груди и, пошатываясь, полез обратно на покатый бок «черепахи».

Октавия проводила его долгим взглядом. Когда шаги инженера стихли, она подошла ближе к краю. Камешки из-под ее ног сорвались вниз и канули в бездну беззвучно — ветер уносил звук прочь.

— Ты убиваешь людей ради куска железа, — сказала она, глядя не на мужа, а на далекие облака внизу. — Лисандр прав. Бронза трубок даст течь. Давление разорвет магистрали второго контура. Мы останемся вообще без тяги.

— Это не кусок железа, Домна, — Александр наконец соизволил посмотреть на нее. Лицо императора было серым от усталости, но линия челюсти оставалась жесткой. — Это наша единственная гарантия того, что Сенат получит Парфию целой. Без этих лап нам придется оставить артиллерию в предгорьях. И тогда царь Артабан соберет новую армию быстрее, чем мы доберемся до Суз. Железо идет первым. Такова цена экспансии.

Он сделал шаг к ней, поморщившись от прострела в больном колене, и положил свою здоровую левую руку поверх ее ладони, сжимающей эфес меча. Ладонь императора была горячей, почти обжигающей на фоне ледяного ветра.

— Спустись к обозу, — мягко, насколько позволял пересохший голос, сказал он. — Проверь плотность укладки мешков с порохом. Если хоть одна крупница селитры отсыреет от твоего дыхания или снега, я лично заставлю тебя считать потери от детонации вслух перед строем. И найди мне чистые бинты. Эта тряпка примерзает к лицу.

Октавия хотела возразить, хотела сказать, что порох упакован в герметичные свинцовые кассеты еще в Месопотамии, и проверять там нечего. Но она посмотрела в этот единственный, воспаленный глаз и поняла: спорить бесполезно. Здесь, на высоте трех тысяч локтей, где человеческая жизнь стоила меньше веса одного выдохшегося мула, воля Марка Аврелия Александра стала таким же физическим законом, как гравитация. Она молча высвободила руку и начала долгий, осторожный спуск по вырубленным в скале ступеням вниз, туда, где змеилась основная вереница повозок.

Как только ее фигура скрылась за поворотом тропы, Александр позволил себе слабость. Он тяжело оперся обеими руками о холодный камень, низко наклонив голову и зажмурил единственный глаз. Боль в ноге пульсировала в такт биению сердца. Ему хотелось сесть прямо здесь, на этом карнизе, снять сапог и просто смотреть, как солнце ползет по небу, пока смерть от переохлаждения не заберет его тихо и безболезненно.

Но вместо этого император выпрямился. Он сплюнул в пропасть кровавый сгусток, скопившийся в горле от сухого воздуха, поправил съехавшую набок повязку и пошел вдоль строя солдат, раздавая короткие, скупые похлопывания по плечам ветеранов. Он должен был быть функцией. Пока функция стоит на ногах, Рим остается непобедимым.

Взревели турбины. Звук изменился — низкий, утробный гул перешел в пронзительный, вибрирующий визг. Температура воздуха вокруг «черепахи» поднялась на десять градусов за считанные секунды, превращая влажный туман в клубы густого, тяжелого пара. Внутри стальной коробки раб, отвечающий за топку, упал в обморок от теплового удара, рухнув лицом в кучу антрацита. Его место тут же занял другой, перепрыгнув через бесчувственное тело товарища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.